

Пономарева В.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
исторический факультет,
Ломоносовский пр., д. 27, Москва, 119992, Россия*

КАК ЛЕЧИЛИ В ЖЕНСКИХ ИНСТИТУТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: XVIII – НАЧАЛО XIX В.

Введение. Предметом исследования является созидание и развитие медицинской части в закрытых женских институтах Российской империи второй половины XVIII – первой четверти XIX в., первый из которых был основан в 1764 г.

Материалы и методы. Проблематика статьи, основанной на широком круге источников, как архивных, так и опубликованных, изученная с применением принципов объективности и историзма, до сих пор остается неисследованной.

Результаты. Разрабатываемые европейскими просветителями XVIII в. новаторские принципы физического воспитания детей в соответствии с замыслом Екатерины II и ее сподвижников, должны были найти практическое применение в учреждаемых государством закрытых учебных заведениях Российской империи, причем как в мужской, так и в женской школе. При этом определяющее значение придавалось профилактике здоровья, в то время как организация медицинской работы, столь необходимой в интернате, где одновременно находилось по 200–300 детей, являлось делом совершенно новым.

Заключение. На протяжении раннего периода истории российских женских институтов шло постепенное становление медицинского дела, прогрессирующего вслед за общим развитием медицинской науки и практики. В привилегированных казенных школах нарабатывался опыт научной организации врачебной помощи: обследование состояния поступающих воспитанников, систематическое наблюдение за их здоровьем, всеобщее прививание оспы, организация строгих карантинных в случае вспышек заразных болезней, устройство современных лазаретов, снабженных соответствующим оборудованием, постепенное улучшение диагностики, изготовление лекарственных средств в собственных аптеках, привлечение специалистов разного профиля.

Ключевые слова: историческая антропология; женское образование; эпоха Просвещения; женские институты; Мариинское ведомство; диагностика; карантин

Введение

Важным направлением государственной политики екатерининского времени стала школьная реформа, ключевую роль в которой играл И.И. Бецкой. Особое внимание уделялось закрытым учебным заведениям: столичным Воспитательным домам, Сухопутному Шляхетному корпусу и Смольному институту, обустройство которых велось на новаторских принципах, разрабатывавшихся деятелями эпохи Просвещения [Пономарева, 2021]. Их бытовая повседневность организовывалась в соответствии с просветительскими рецептами, предусматривавшими четкий распорядок дня, строгое следование правилам гигиены, а представление о физическом воспитании включало игры на свежем воздухе, закаливание, легкую одежду, простую пищу. Эти меры, революционные для традиционного общества, впервые были реализованы в казенных интернатах, становившихся трансляторами новой бытовой культуры.

Замечательной чертой реформ стал единый подход к организации как мужской, так и женской школы. Английский просветитель Дж. Локк, на которого в своей работе чаще всего ссылался И.И. Бецкой, писал, что чем ближе воспитание девочек «будет по суровости подходить к воспитанию их братьев, тем полезнее будет для всей их дальнейшей жизни» [Локк, 1988, с. 417].

Осуществление на практике совершенно новых для общества просветительских рекомендаций сталкивалось с трудностями, тем более что применять их предстояло не в домашнем кругу (именно частному человеку адресовали свои советы авторы просветительских сочинений), а в интернатах, где проживали большие группы воспитанников разного возраста. Практического опыта организации повседневной жизни интерната не было, а потому Бецкому и его помощникам приходилось действовать методом проб и ошибок. Не случайно высочайшее повеление «о порядке дополнения» Устава первого женского института (1764 г.) гласило, что, «...смотря по обстоятельствам и надобности, нечто отменить или прибавить, что к очевидной пользе служить может» – прямо оговаривалось, что подробностей организации жизни нового учебного заведения «ныне всех предвидеть трудно» [Черепнин, 1914а, с. 104].

Усложнившаяся задача требовала корректировки некоторых просветительских рецептов. Так, пришлось пересмотреть правила длительности сна, которые вводились по Дж. Локку, полагавшему, что сон у детей должен быть «умеренным», дабы «не привыкали они к сему злоупотреблению от лености» [Краткое наставление..., 1768, с. 24–25]. Но вскоре практика показала, что времени, отведенного на сон по Уставу института (6–9 лет – 9, 9–12 лет – 8, 12–15 лет – 7 1/2, 15–18 лет – 6 1/2 часов) совершенно недостаточно, и его продолжительность была увеличена [Черепнин, 1914а, с. 125–126].

Материалы и методы

Источниками работы служат нормативные акты женских институтов Мариинского ведомства; исторические очерки отдельных женских институтов; воспоминания институток. Методология статьи основывается на принципах историзма и объективности, что позволяет изучить медицинскую практику, бытовавшую в женских институтах в ранний период их истории. Заявленная тема впервые в историографии стала предметом специального рассмотрения.

Результаты

Медицинское дело в Смольном институте: начало

Авторы просветительских сочинений XVIII в. уделяли особое внимание физическому воспитанию детей, разъясняя обязанности человека «в отношении к его телу». Они настойчиво проповедовали необходимость «стараться о сохранении нашей жизни и нашего здоровья», достигая этого «воздержанием, трезвостью, целомудрием или чистотою, умеренностию во всех удовольствиях и умеренным трудом» [Бертран, 1796, с. 160]. Отстаивая пользу здорового образа жизни, просветители в то же время не раз скептически отзывались о медицине и врачах, поскольку «попечение о здравии» не должно доходить «до крайности», которая «неприятна Богу, смешна людям и вредна здоровью» [Дюпки Ла Шапель, 1786, с. 9–10]. Ж.-Ж. Руссо заявлял, что «медицина составляет развлечение для праздных людей, которые, не зная куда девать время, проводят его в заботах о самосохранении» [Руссо, 1779, с.19], а Дж. Локк призывал прибегать к помощи врачей и употреблению лекарств лишь в случае крайней необходимости. По мнению императрицы Екатерины II, «употребление лекарств не ко времени детям более притя-

гать может болезни, нежели отвращать оные» [Екатерина II, 1880, с. 306].

Скептицизм современников во многом был обусловлен уровнем медицинских знаний XVIII в. Как пишет историк науки С.М. Громбах, «известные основания для такого негативного отношения к врачам давала сама жизнь: практическая медицина, лишенная еще достаточного теоретического основания или пытающаяся найти его в умозрительных идеалистических системах. часто оказывалась беспомощной» [Громбах, 1989, с. 18]. Медицина и ее представители не имели авторитета, какой они завоюют в конце XIX в. В то же время значение медицины неуклонно росло: увеличение численности и плотности населения, прежде всего городского, соответственно, усложнение санитарной обстановки, распространение эпидемий требовали серьезного подхода к постановке медицинского дела.

Историки отмечают возросшее внимание российской власти к медицинской службе в 60-е гг. XVIII в. [Ковригина с соавт., 1988, с. 55]. К числу важнейших государственных мер относится основание Медицинской коллегии (1763), учрежденной в те же годы, когда подобные высшие государственные врачебно-санитарные инстанции создавались и в других европейских странах. Коллегия, осуществлявшая наблюдение за медицинской помощью населению, совмещала административно-финансовые, научно-учебные и медико-полицейские функции.

В институте медицинское дело должно было устанавливаться в соответствии с Уставом 1764 г. Больным предписывалось отвести место, которое должно было «наиболее способствовать к облегчению их болезни» – близ сада, «или имеющее положение к какому-либо другому увеселительному виду», то есть, при выборе лазарета Бецкой важнейшее значение придавал не столько научной стороне дела, сколько эстетической. Ухаживать за заболевшими девицами следовало «с крайним рачением, не щадя ни трудов, ни иждивения». Для «присмотра и хождения за болящими» определялись три женщины, а также и монахини Смольного монастыря, которым следовало «без малейшего упущения» исполнять все приказы доктора и лекаря, подчинявшегося доктору. Впрочем, в тексте Устава в соответствии с наказами просветителей выражалась надежда, что при соблюдении гигиенических мер «труды господ доктора и лекаря, також и иждивение, употребляемое на лекарство, нарочито убавятся» [Устав., 1764, с. 17–20].

Эти разумные меры были воплощены в жизнь далеко не сразу. Разделяя взгляды просве-

тителей на физическое воспитание детей, Бецкой, надо полагать, был согласен и с их критическим отношением к медицине. Руководствуясь подобными соображениями, или желая сократить расходы [Чистович, 1870, С. 300; Черепнин, 1914а, с. 250] (а, скорее, свою роль сыграли оба резона), но поначалу Бецкой не собирался комплектовать постоянный медицинский штат в Смольном: предполагалось, что врача будут приглашать по необходимости (с оплатой каждого визита). Но в Медицинской коллегии полагали, что собственный доктор в институте необходим, ибо он занимался бы не только лечением больных, но и следил за физическим развитием здоровых. Таким образом, становление медицинской части шло путем преодоления неизбежных сложностей и противоречий, как объективного, так и субъективного порядка.

Медицинская коллегия, имевшая исключительное право назначать медиков в различные учреждения, откомандировала в Смольный институт доктора И. Яниша, автора трактата о прививании коровьей оспы, и штаб-лекаря В. Нагеля, специалиста по бальнеологии. Но в институте им не спешили назначить жалованье, предоставить квартиру, денщика и прочие положенные по должности льготы. Последовала длительная, исполненная взаимной неприязни переписка между главами учреждений. Президент Медицинской коллегии барон А.И. Черкасов полагал, что медикам Смольного следует «пожаловать содержание такое же, как доктор и лекарь при Шляхетном кадетском Сухопутном корпусе имеют», тогда как начальница института княжна А.С. Долгорукая ссылалась на то, что монастырь-де еще не перестроен, воспитанниц мало, а потому довольно небольшой аптеки («надлежит только иметь ящик»), медикаменты для которой подберет доктор, а для такой аптеки довольно и гезеля (т.е., помощника аптекаря), жалованье которого не должно превышать ста рублей в год. Черкасов отвечал княжне, что «состоящим в ведомстве Медицинской коллегии аптекарским гензелям так малых окладов нет», и на подобное жалованье он не может определить и «самого младшего аптекарского гензеля», и потребовал увеличить оплату по меньшей мере до 180 рублей в год. Долгорукая скрепя сердце согласилась, хотя и отметила с неудовольствием, что «лекарю и аптекарскому гезелю очень велико жалованье в рассуждении того, что труда их немного будет» [Чистович, 1870, с. 301–303]. Предугадывая трудности дальнейших переговоров, Черкасов апеллировал к высшей инстанции – непосредственно к императрице, и лишь так ему удалось добиться надлежа-

щей оплаты труда медиков Смольного (700 и 400 руб. соответственно).

Однако начальница Смольного взяла реванш, поставив командированного Медицинской коллегией аптекарского гензеля в стесненные условия: хотя ему и положили требуемое жалование и отвели квартиру, однако отказали в обещанных казенных дровах и свечах, не назначили работника для услуг, и гензель уволился из института. А затем последовало очередное столкновение между Медицинской коллегией и институтским начальством из-за назначения нового лекаря вместо умершего. В этот раз первой к императрице обратилась Долгорукая, испросившая право выбирать докторов и лекарей по собственному усмотрению, несмотря на нарушение буквы закона. Институтский врач и весь «лазаретный штат» давал подписку держать в секрете сведения о здоровье подопечных, сообщая их лишь начальнице института. С тех пор Медицинская коллегия беспрекословно исполняла требования института, хотя не всегда это было на пользу дела: так, институтский Совет, вытребовав на пустовавшее в течение трех лет место некоего подлекаря Бюрберга, вскоре был вынужден его отослать, как совершенно неспособного исполнять эту должность. Историк науки Я.И. Чистович отметил, что «неприятное столкновение с начальством Смольного монастыря было не единственное в своем роде: подобные же столкновения повторялись чуть не всякий день с начальниками отдельных управлений. Каждый из таких начальников считал себя самовластным господином в своем управлении и очень мало или даже совсем не заботился о законности или незаконности своих действий» [Чистович, 1870, с. 318].

Тем не менее, именно Смольный институт вслед за Сухопутным кадетским корпусом и, особенно, Воспитательными домами Москвы¹ и Петербурга, несмотря на чиновничьи баталии, стал местом реализации новых подходов к медицинско-

му обеспечению детей и подростков. Содержание большого числа детей в интернате требовало особых правил, которые вырабатывались и внедрялись в жизнь на протяжении долгого времени.

Формирование медицинского штата женских институтов

Итак, в соответствии с первым Уставом и штатом института медицинская часть обеспечивалась доктором, лекарем и женским персоналом, привлекаемым в случае необходимости для ухода за больными. Сверх штата приглашался гензель для обслуживания аптеки. Как уже говорилось, оклады врачей первым штатом определены не были. Но уже в новом «Штате о содержании Воспитательного двух сот благородных девиц общества» доктору предоставляли оклад в 724 р. и двух денщиков, лекарю – 312 р. и одного денщика. Таким образом, разногласия между Медицинской коллегией и начальством института были улажены, медики отныне пользовались заслуженным признанием².

Младший медицинский персонал получал гораздо меньшее жалование. Гензель, приглашаемый «для приготовления медикаментов», получал 130 руб. «Женщина при лазарете» (впоследствии «начальница лазарета») получала 48 руб. жалования и 38 руб. «на стол», две ее помощницы («лазаретные дамы») – по 24 руб. [Черепнин, 1915, с. 166–167, 170]. Регулярно, по крайней мере с 1768 г., в Смольном институте работал зубной врач. Как отмечает историограф института, там обращали большое внимание на состояние зубов воспитанниц, что было «совершенно необычно для того времени». В 1775 г. некий вельможа писал Бецкому: «по несчастью общему во всей российской империи ни одного искуснаго зубного лекаря нет. А которые и есть, то все безызъятя сущие шарлатаны, изъключая одного только все знании весьма хорошаго лекаря, находящагося в ведомстве вашего высокопревосходительства при воспитательном монастыре благородных

¹ Призреваемые в Воспитательных домах сироты представляли собой высокую группу риска по детской смертности, в особенности из-за скученности и искусственного вскармливания, но персоналу удалось достичь успехов в охране жизни своих питомцев. Смертность детей, составлявшая около 40–45% по стране, упала в московском Доме через 10 лет после его открытия до 24,5%, а во время эпидемии чумы (1771–1773), унесшей жизни 57 тыс. москвичей, в Воспитательном доме благодаря строжайшему карантину, ежедневному осмотру детей и взрослых, от чумы не умер ни один ребенок [Баранов с соавт., 2014, с. 9–12; Каганов, 2015, с. 23].

² Об этом, в частности свидетельствует тот факт, что начале XIX в. у доктора в Воспитательном обществе была даже собственная кухарка [Черепнин, 1914а, с. 556], известно также, что две дочери доктора Воспитательного общества А. Штрэнге были приняты на учение в этот институт наравне с самыми родовитыми девочками империи.

девиц» [Черепнин, 1914а, с. 251]. Вельможа имел все основания жаловаться на недостаток знающих врачей: к концу XVIII в. «на гражданской службе состояло 878 врачей» [Заблудовский с соавт., 1981, с. 107]. С 1820 г. в Смольном работал также постоянный консультант по глазным болезням.

Медицинская часть других институтов, учреждавшихся с конца XVIII в., организовывалась по образцу Смольного: штатный врач, лазарет во главе с лазаретной надзирательницей, а при необходимости практиковалось привлечение врачей-специалистов по различным отраслям медицины. В Одесском институте согласно штату 1829 г. состояли доктор и смотрительница за больными, в штате Закавказского института 1840 г. – врач, надзирательница лазарета и помощница, в штате Казанского института 1844 г. – врач, лазаретная надзирательница и три лазаретных прислужницы, и т.п. Число медиков, как правило, зависело от количества институток. В 1811 г., в начале деятельности Мариинского института, при 40 его воспитанницах состоял один доктор [Карцев, 1897, с. 12], а в 1856 г., при комплекте в 180 воспитанниц в этом институте уже было два врача, фельдшер, надзирательница лазарета и ее помощница. Специалистов для «труднобольных» воспитанниц вызывали из университета, Повивального института и Воспитательного дома, госпиталей, нередко сама императрица Мария Федоровна посылала на помощь своих лейб-медиков [Панкратьева, 1899, с. 28], а в случае приезда в Россию заграничных светил медицины их также приглашали на консилиумы. Но наряду с профессиональными докторами призывали, к примеру, бабку-лекарку, которая «чудесно лечит золотуху» [Черепнин, 1914а, с. 500].

*Болезни институток,
эпидемии и борьба с ними*

Смольный институт был учрежден, когда в России свирепствовала эпидемия оспы. Оспопрививание стало предметом личной заботы самой Екатерины II, которая, подавая пример подданным, первой привилась от оспы в 1758 г., когда эта опасная болезнь достигла своего пика [Чернышева, 2012, с. 194]. Прививка оспы стала обязательным условием приема в институт. По свидетельству современника, «в Смольном, а также в некоторых

частных домах, привитие оспы производил доктор Стренге»³ [Долгорукий, 1913, с. 56].

Лекарства для больных смолянок либо изготавливались в самом институте, либо доставлялись «самые лучшие и свежие и без наималейшей останки, в обыкновенной для того посуде и обертках, за казенною печатью». Позже лекарства в институты отпускались из Главной аптеки «по рецептам доктора безденежно, как и в армии употребляется» [Черепнин, 1914а, с. 166]. Вопрос о необходимости иметь в институте свою собственную аптеку был поставлен еще в 1798 г. [РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 238], однако она была заведена лишь в 1828 г.

Среди средств, применявшихся для лечения институток, были ванны из водки, молочные, воздушные; им делали «вспрыскивания из табаку для приведения в сознание» [Черепнин, 1914а, с. 501]. В некоторых случаях больным девочкам давали ослиное молоко [Письма императрицы..., 1870, стб. 1520; Черепнин, 1914а, с. 500]. Из медицинской литературы той эпохи узнаем, что «молоко ослицы» предписывалось при лечении чахотки, а также при трудности в дыхании, «упорном кашле, угрожавшем чахоткою» [Бьюкен, 1791, с. 170], при том предпочтительным считалось парное [Пекен, 1786, с. 93]. Как удавалось раздобыть в Петербурге ослиное молоко для институток, неизвестно, однако можно предполагать, что сделать это было не так просто.

Мария Федоровна принимала участие в обсуждении лечения воспитанниц: она сама «списывала и присылала рецепты» [Панкратьева, 1899, с. 23], приглашала врачей, обсуждала их рекомендации, даже предписывала медицинские процедуры. Одно из таких рекомендованных ею средств сохранилось: при коклюше следовало «мелко срубить чеснок, потом столочь в ступке и смешать с свежим маслом, несоленым, сделать мазь, которую намазать на холст и положить на день и на ночь между плеч на спину и на подошвы» (1808) [Лихачева, 1899, с. 141]. Чесночную мазь обычно использовали при «удушьи», «упорной болезни», которая часто «продолжается многие месяцы» [Бьюкен, 1791, с. 369]. Опекуну в московском присутствии Н.И. Баранову императрица писала: «...усмотрела я, что у вас для больных девиц никогда не употребляют вина. Я знаю из разных опытов, сколь оно во многих случаях полезно... прошу Вас, чтобы было вина в достаточном количестве для употребления по предписаниям лекарей всегда, когда они того тре-

³ А. Штрэнге, доктор и учитель физики в Смольном институте (1773–1795).

буют» [Письма императрицы..., 1870, стб. 1468–1469]. Действительно, врачи, например, рекомендовали давать больным «рюмку цельного вина» при «лихорадке злой или гнилой» [Бьюкен, 1791, с. 216]. Когда одной «страдавшей горлом» институтке было назначено «меркуриальное лекарство» (снадобье на основе ртути), по указанию императрицы был создан консилиум, решивший, что «опасного ничего нет, и что ртути не следовало давать, так как болезнь горла есть только последствие скарлатины» [Модзалевский, 1894, с. 16]. «Меркуриальные» средства применялись довольно часто, их давали при болезни легких, «воспалении кишок» и золотухе [Бьюкен, 1791, с. 409], «сырая ртуть» применялась от глистов и «в болезнях продолжительных» [Пернер, 1792, с. 79–80, 425]. Кровопускание, популярную меру, применявшуюся при большинстве заболеваний, к детям и подросткам применять не спешили.

Как отмечалось в литературе, «согласно господствовавшему тогда в медицине взгляду, императрица склонна была приписывать большую часть болезней простуде» [Московское училище..., 1903, с. 379; Лихачева, 1899, с. 142]. Для многих институток перемена климата «более теплого, сухого и здорового на сырой и непостоянный петербургский» могла сказываться на здоровье не лучшим образом [Черепнин, 1915, с. 583]. Уровень медицинских знаний, оборачивавшийся неточностью и неопределенностью диагностики, непониманием действия лекарственных средств, в немалой степени объясняет скептицизм, проскальзывавший в дидактических сочинениях просветителей XVIII в. Незаработанность диагностики и терминологии⁴ вызывала неудовлетворение не только у врачей: так, императрица, получая неопределенные заключения докторов о недомоганиях институток, вроде «болына ушибом», пыталась добиться от них более точного определения [Лихачева, 1899, с. 140].

В Мариинском ведомстве обсуждалась необходимость прививки против кори, повторявшейся в институтах. Когда в 1803 г. в московском Екатерининском институте «на детях появляется горячка заразительная с красною сыпью», императрица распорядилась, дабы «сия болезнь не распространилась... всевозможные взять меры к предохранению от оной»: прекращены посещения родителей, использовалось окуривание – «самая лучшая

предосторожность в заразительных болезнях есть куренье с *acide muriatique oxugene*» [Письма императрицы..., 1870, с. 1473–1474]. При очередной ее вспышке в 1815 г. профессор Московского университета доктор Е.О. Мухин предложил детям делать прививки кори. Посоветовавшись в Петербурге с «лучшими здешними медиками», императрица писала, что прививка не нужна, ведь «прививная корь оказывается всегда злокачественнее получаемой обыкновенным натуральным заражением», «а для прекращения кори... переменяли бы на себе платье и окуривали себя, дабы не переносить заразы из одного отделения в другое» [Письма императрицы..., 1870, стб. 1513].

Таким образом, важнейшим средством предотвращения распространения болезни становился карантин в лазаретах. Еще Устав 1764 г. предписывал изолировать больных, «наипаче если болезни таковы, что и к другим приставать могут». Все приказы доктора следовало «накрепко исполнять... без малейшего упущения... и кроме определенных женщин никому туда входить не дозволять». Мария Федоровна приказала заменить каменные полы в лазарете Мещанского училища деревянными, завести для лазаретов отдельные мебель, посуду и белье «по причине той, что весьма вредно здоровью воспитанниц мешать принадлежащие больным вещи с теми, которые употребляют здоровые» [РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 31. 1796 г.].

Ведомость доктора И. Фишера за январь–июнь 1806 г. содержит данные о больных в лазарете института: одновременно здесь находились 12 больных воспитанниц, «1 лихорадкою, 1 нарывом, 1 слабость и ломота, у остальных слабость и ломота после лихорадки» [РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 492 (II). Л. 18], затем поступили «8 больных девиц с лихорадкою весеннею» [РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 492 (I). Л. 91], в мае – 6 больных, «одержимых легкими болезнями», затем еще «9 воспитанниц получили коклюш», и тогда решено было принять меры по пресечению распространения заразы [РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 492 (II). Л. 38, 66]. Стремясь улучшить условия пребывания институток в лазаретах, императрица ввела в обычай баловать их вкусными блюдами, для серьезных больных приезжал «придворный доктор г. Рюль» [ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 3]. О прекрасном содержании в институтских лазаретах, добросовестном лечении сохранилось множество свидетельств в мемуарах. Воспитанница петербургского Екатерининского института, окончившая учебный курс в 1826 г., вспоминала: «лазарет содержался в совершенстве... В институтах были свои доктора, хирурги, окулисты, зубные

⁴ К примеру, самые разнообразные заболевания, сопровождавшиеся жаром, в то время назывались «лихорадкой».

врачи и ортопеды, были гимнастики и аптеки. Мария Федоровна сама присутствовала при операциях и приезжала даже в тех случаях, когда требовалось придать бодрости какой-нибудь девочке, которой должны были выдернуть зуб» [Смирнова-Россет, 1893, с. 216]. Регулярные врачебные осмотры, лечебные процедуры, карантинные мероприятия, наконец, неукоснительно соблюдаемый санитарно-гигиенический режим института, – все это превращало медицину в часть повседневной жизни институток.

Несмотря на тщательный уход, в институтах неизбежно происходили смертные случаи. Отрывки из лазаретного журнала московского Екатерининского института содержат описание подобных происшествий:

1809 г.: девица обратилась к врачу, «жалуясь на головную боль, пульс лихорадочный. В ночь лихорадка усилилась до потери сознания и чувств. Невзирая на все принятые меры, лихорадочные припадки усиливались и на третий день болезни», больная умерла «при припадках апоплексии». 1811 г.: воспитанница «умерла от грудной боли и кашля с великими судорогами в животе. 1814 г.: воспитанница «одержима была лихорадкою с кашлем...», а потом штаб-лекарь объяснил, что приключилось ей воспаление гортани и по неоднократным консилиям хотя и было даваемо ей во внутренность потовые, прохладительные, разбивательные и противосудорожные средства, а по наружности нарывные пластыри и болеутолятельные мази, ей никакого облегчения от оных не было, а более увеличивалось воспаление, от коего 20 числа она волею Божию помре» [Московское училище..., 1903, с. 377–378]. В целом установленный порядок медицинской помощи был по тем временам эффективным. Так, во время эпидемии холеры в Петербурге в 1848 г. «благодаря энергичным мерам и чрезвычайной осторожности в еде» в Смольном институте было зафиксировано лишь два случая холеры, один из которых закончился смертью [Черепнин, 1914б, с. 127]. В случае смерти воспитанницы императрица прибегала к непривычной по тому времени мере – она «часто с согласия родителей приказывала вскрывать тело умершей» [Панкратьева, 1899, С. 23], – практика, безусловно, приносившая пользу.

Заключение

Становление медицинского дела, как науки, так и практики, являлось в России XVIII в. прерогативой государства. Казенные учебно-воспитательные заведения, основывавшиеся на просвещенческих принципах, – столичные Вос-

питательные дома, кадетские корпуса и женские институты, – становились своеобразными лабораториями, где создавалась детская и подростковая медицина, разрабатывались научные подходы организации всеобщей вакцинации детей, устройство лазаретов, карантинные правила. Общим правилом становилось обследование поступающих воспитанников, затем систематическое наблюдение за их здоровьем, хотя подобным исключительным вниманием, разумеется пользовались лишь находившиеся под высочайшим покровительством школы-интернаты. Этот опыт имел важное значение для дальнейшего развития медицины.

Библиография

- Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Шер С.А.* Детская смертность в московском Воспитательном доме: реальность и мифы // Педиатрическая фармакология, 2014. № 11(3). С. 9–14.
- Бертран Э.* Основания всеобщего нравоучения, или картина должностей человека, рассматриваемого во всех его отношениях. М.: ун. тип. у Ридигера и Клаудия. 1796. 278 с.
- Бьюкен У.* Полный и всеобщий домашний лечебник. Творение г. Бухана, славнейшего в нынешнем веке английского врача: в 2 т. Т. II. М.: ун. тип. 1791. 556 с.
- Громбах С.* Пушкин и медицина его времени. М.: Медицина. 1989. 272 с.
- Долгорукий И.М.* Записки кн. И.М. Долгорукова // Русский библиофил, 1913. № VII. С. 48–67.
- Дюпки Ла Шапель Н.* Наставление отца дочери своей, сочиненная г. Депуй. СПб.: тип. М. Овчинникова. 1786. 48 с.
- Екатерина II.* Инструкция Екатерины Великой, данная Николаю Ивановичу Салтыкову // Сб. РИО. СПб. 1880. Т. 27. С. 301–330.
- Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М.* История медицины. М.: Медицина. 1981. 352 с.
- Каганов Б.С.* Из истории Московского воспитательного дома. // Вопросы практической педиатрии, 2015. Т. 10. № 6. С. 7–32.
- Карцев Н.С.* Мариинский институт. 1797–1897. СПб.: тип. С.-Петербургского градоначальства. 1897. 80 с.
- Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н.* Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 3. М.: изд-во Московского ун-та. 1988. 398 с.
- Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения до юношества. СПб.: Сенат. тип. 1768. 50 с.
- Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России. 1086–1856. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 1899. 884 с.
- Локк Дж.* Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль. 1988. С. 408–618.
- Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт. СПб.: тип. Уч. глухонемых. 1894. 37 с.
- Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. М.: печатня А. Снегиревой. 1903. 560 с.

Панкратьева Е.С. Санкт-Петербургское училище ордена св. Екатерины. 1798–1898. СПб.: тип. Е. Евдокимова. 1899. 100 с.

Пекен Х. Домашний лечебник или простой способ лечения. М.: театр. тип. у Хр. Клавдий. 1786. 190 с.

Пернер К.В. Лекарственный, или избранное врачебное веществословие. М.: в тип. при Театре у Христоф. Клаудия. 1792. 471 с.

Письма императрицы Марии Федоровны Н.И. Баранову // Русский архив, 1870. Стб. 1441–1521.

Пономарева В.В. По рецепту эпохи Просвещения: сады женских институтов // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2021. № 1. С. 139–150.

Руссо Ж.-Ж. Эмиль и София, или хорошо воспитанные любовники. М.: ун. тип. у Н. Новикова, 1779. 116 с.

Смирнова-Россет А.О. Записки. Из записных книжек 1825–1845 гг. // Северный вестник, 1893. № 6. С. 213–231.

Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного ея величеством государынею имп. Екатериной Второю. СПб.: Сенат. тип., 1764. 20 с.

Черепнин Н.В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Т. I. Пг.: Гос. тип. 1914а. 650 с.

Черепнин Н.В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Т. II. Пг.: Гос. тип. 1914б. 670 с.

Черепнин Н.В. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Т. III. Пг.: Гос. тип., 1915. 752 с.

Чернышева И.В. О вкладе Екатерины II в развитие отечественной медицины // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья, 2012. № 1. С. 192–195.

Чистович Я. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII ст. СПб.: тип. Я. Третья, 1870. 420 с.

Сведения об авторе

Пономарева Варвара Витальевна, д.и.н.;

ORCID ID: 0000-0003-1707-2281; varvarapon@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021,
принята к публикации 08.12.2021

Ponomareva V.V.

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of History,
Lomonosov Prospect, 27, Moscow, 119192, Russia*

MEDICAL TREATMENT IN GIRLS' SCHOOLS OF THE RUSSIAN EMPIRE: 18TH – BEGINNING OF 19TH CENTURY

Results *This study looks at inception and development of medical departments in girls' schools of the Russian Empire during the second half of the 18th and beginning of 19th century, the first of which was founded in 1764.*

Materials and methods. *The problems of the article, based on a wide range of sources, both archival and published, studied using the principles of objectivity and historicism, still remain unexplored.*

Results. *Empress Catherine II and her associates' ideas, based on innovative principles in the physical education of children, which were being developed by European Enlightenment thinkers of the 18th century, had to be implemented in a practical way in both boys' and girls' state-established schools of the Russian Empire. With emphasis on preventive healthcare, the organization of necessary medical procedure in a boarding school with 200–300 pupils was an uncharted territory.*

Discussion. *Gradual establishment of medical matters throughout the early period of history of girls' schools progressed tracing general development in medical science and practice. The experience of scientific organization of medical assistance was systematically gained in privileged state-run schools: initial examination of new students, routine health checks, universal smallpox vaccinations, organization of strict quarantine in the instance of infectious disease outbreak, establishment of modern infirmaries with relevant equipment, development of diagnostics, medicine preparation in own pharmacies, referrals to various specialists.*

Keywords: historical anthropology; female education; Age of Enlightenment; girl's boarding schools; The Mariinskiy Establishment; diagnosis; quarantine

References

- Baranov A.A., Al'bickij V.YU., SHer S.A. Detskaya smertnost' v moskovskom Vospitatel'nom dome: real'nost' i mify [Child mortality in the Moscow Orphanage: reality and myths]. *Pediatricheskaya farmakologiya* [Pediatric Pharmacology], 2014, 11(3), pp. 9–14. (In Russ.).
- Bertran E. *Osnovaniya vseobshchego nravoucheniya, ili kartina dolzhnostej cheloveka, rassmatrivaemogo vo vsekh ego otnosheniyah* [Foundations of Universal Morality, or a Picture of the offices of a person, considered in all his relations]. Moscow, Ridigera i Klaudiva Typ. Publ., 1796, 278 s. (In Russ.).
- B'yuken U. *Polnyj i vseobshchij domashnij lechebnik. Tvorenie g. Buhana, slavnejshego v nyneshnem veke anglijskago vracha* [A complete and universal home remedy. The creation of Mr. Bukhan, the most glorious English doctor in this century]. Moscow, Universitetskaya Typ. Publ., 1791, II, 556 p. (In Russ.).
- Grombah S. *Pushkin i medicina ego vremeni* [Pushkin and Medicine of His Days]. Moscow, Medicine Publ., 1989, 272 p. (In Russ.).
- Dolgorukij I.M. Zapiski kn. I.M. Dolgorukova [Notes of Prince I.M. Dolgorukov]. *Russkij bibliofil* [Russian bibliophile]. 1913, VII, pp. 48–67. (In Russ.).
- Dyupyui La SHapel' N. *Nastavlenie otca docheri svoej* [Father's instruction to his daughter]. St. Petersburg, M. Ovchinnikova Typ. Publ., 1786, 48 p. (In Russ.).
- Ekaterina II. Instrukciya Ekateriny Velikoj, dannaya Nikolayu Ivanovichu Saltykovu [Catherine the Great's instruction, given to Nikolai Ivanovich Saltykov]. In *Sb. Rossijskogo imp. obschestva* [Miscellanea of the Russian imperial society]. 1880, 27, pp. 301–330. (In Russ.).
- Zabludovskij P.E., Kryuchok G.R., Kuz'min M.K., Levit M.M. *Istoriya mediciny* [History of Medicine]. Moscow, Medicine Publ., 1981, 352 p. (In Russ.).
- Kaganov B.S. Iz istorii Moskovskogo vospitatel'nogo doma. [From the history of the Moscow Orphanage] *Voprosy prakticheskoy pediatrii* [Clinical Practice in Pediatrics], 2015, 10 (6), pp. 7–32. (In Russ.).
- Karcev N.S. *Mariinskij institut. 1797–1897* [Mariinsky Institute. 1797–1897]. St. Petersburg, S.-Peterburgskogo gradonachal'stva Typ. Publ., 1897, 80 p. (In Russ.).
- Kovrigina V.A., Sysoeva E.K., Shanskij D.N. *Medicina i zdorvoohranenie* [Medicine and health care.]. In *Ocherki russkoj kul'tury XVIII v.* [Essays on Russian Culture of the XVIII century]. Moscow: MSU Publ., 1988, pp. 50–84. (In Russ.).
- Kratkoe nastavlenie, vybrannoe iz luchshih avtorov s nekotorymi fizicheskimi primechaniyami o vospitanii detej ot rozhdeniya do yunoshestva* [The Summary, selected from the best authors, with some physical notes on raising children from birth to adolescence]. St. Petersburg, Senat. Typ. Publ., 1768, 50 p. (In Russ.).
- Likhacheva E.O. *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii* [Data for the History of Female Education in Russia]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevicha Typ. Publ., 1899, 887 p. (In Russ.).
- Lokk Dzh. Mysli o vospitanii [Some Thoughts Concerning Education]. In *Lokk Dzh. Sochineniya v trekh tomah* [Essays in Three Volumes]. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 408–618. (In Russ.).
- Modzalevskij L.N. *Imperatrica Mariya Fedorovna i ee pervyj zhenskij institut* [Empress Maria Feodorovna and her First Women's Institute]. St. Petersburg, Uch. gluhonemyh Typ. Publ., 1894, 37 p. (In Russ.).
- Moskovskoe uchilishche ordena sv. Ekateriny. 1803–1903 gg.* [Moscow School of the Order of St. Catherine. 1803–1903]. Moscow, A. Snegirevoj Publ., 1903, 560 p. (In Russ.).
- Pankrat'eva E.S. *Sankt-Peterburgskoe uchilishche ordena sv. Ekateriny. 1798–1898* [St. Petersburg School of the Order of St. Catherine. 1798–1898]. St. Petersburg, E. Evdokimova Typ. Publ., 1899, 100 p. (In Russ.).
- Peken H. *Domashnij lechebnik ili prostyj sposob lecheniya* [Home remedy or a Simple Way of Treatment]. Moscow, teatr. u Hr. Klavdij Typ. Publ., 1786, 190 p. (In Russ.).
- Pemer K.V. *Lekarstvennik, ili izbrannoe vrachebnoe veshchestvoslovie* [Medicine, or Selected Medical Substance]. Moscow, teatr. u Hr. Klavdij Typ. Publ., 1792, 471 p. (In Russ.).
- Pis'ma imperatricy Marii Fedorovny N.I. Baranovu* [Letters from Empress Maria Feodorovna to N.I. Baranov]. Russkij arhiv [Russian Archive]. 1870, 4, pp. 1441–1521. (In Russ.).
- Ponomareva V.V. Po receptu epohi Prosveshcheniya: sady zhenskih institutov [Girls' Boarding Schools' Gardens In The Age of Enlightenment]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2021, 1, pp. 139–150. (In Russ.).
- Russo Zh.-Zh. *Emil' i Sofiya, ili horosho vospitannye lyubovniki* [Emil and Sofia, or Well-Brought-Up Lovers]. Moscow, N. Novikova Typ. Publ., 1779, 116 p. (In Russ.).
- Smirnova-Rosset A.O. Zapiski. 1825–1845 gg. [Memoirs. 1825–1845]. *Severnyj vestnik* [Northern Herald], 1893, 6, pp. 213–231. (In Russ.).
- Ustav vospitaniya dvuh sot blagorodnyh devic uchrezhdennogo eya velichestvom gosudaryneyu imp. Ekaterinoy Vtoroyu* [The charter for the education of two hundred noble maidens established by Her Majesty the sovereign imp. Catherine II]. St. Petersburg, Senat. Typ. Publ., 1764, 20 p. (In Russ.).
- Cherepnin N.V. *Imperatorskoe Vospitatel'noe obshchestvo blagorodnyh devic* [Imperial Educational Society for Noble Madens]. Petrograd, Gosudarstvennaya Typ. Publ., 1914a, I, 650 p. (In Russ.).
- Cherepnin N.V. *Imperatorskoe Vospitatel'noe obshchestvo blagorodnyh devic* [Imperial Educational Society for Noble Madens]. Petrograd, Gosudarstvennaya Typ. Publ., 1914b, II, 670 p. (In Russ.).
- Cherepnin N.V. *Imperatorskoe Vospitatel'noe obshchestvo blagorodnyh devic* [Imperial Educational Society for Noble Madens]. Petrograd, Gosudarstvennaya Typ. Publ., 1915, III, 752 p. (In Russ.).
- Chemysheva I.V. O vklade Ekateriny II v razvitie otechestvennoj mediciny [On the contribution of Catherine II to the development of domestic medicine]. *Byulleten' nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya* [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health], 2012, 1, pp. 192–195. (In Russ.).
- Cistovich YA. *Ocherki iz istorii russkih medicinskih uchrezhdenij XVIII st.* [Essays from the history of Russian medical institutions of the XVIII century]. St. Petersburg, Y. Treya Typ. Publ., 1870, 420 p. (In Russ.).

Information about Author

Ponomareva Varvara V., PhD, DSc in History;
ORCID ID: 0000-0003-1707-2281; varvarapon@mail.ru.